

Виктор ГОФМАН

ЭТОТ КРЕСТ НЕ ОТДАМ НИКОМУ

Стихотворения

* * *

Так медлит снег, хотя пора настала.
Так беркут набирает высоту.
Так мчатся мимо станции составы,
тревожно гроыхая на мосту.

Так дух свободный формы сторонится.
Так ветер моря в сети не поймать.
Так замирает белая страница
в сомненье слово первое узнать.

Так победитель Ганнибал при Каннах
глядит в огонь, неведомым томим;
и поутру среди холмов туманных
встаёт к войскам - и не идёт на Рим.

Так, может, сам Господь всего вначале,
создать решивший земли и моря,
чего-то ждал в возвышенной печали
и медлил всё - и, кажется, не зря.

Марлен

Зажившись в мире –хватишь горя;
и в пеньюаре голубом,
с бессонницей уже не споря,
стоишь, к стеклу прижавшись лбом.

Уже выхватывает крыши
рассвет сквозь утреннюю мглу...
На стенах- старые афиши,
афиши старые в углу.

Как по утрам встречать постыло
свои улыбочки со стен...
Как по пути тебя скрутило!
Как сморщило тебя, Марлен.

Из мёртвой жизни так блаженно,
так безнадёжно далеки
под медным солнцем смех Габена,
и в танках дымные пески.

Садись разглядывать подарки,
будить тоскою мужиков,
покуда льётся свет неяркий
у бесполезных пузырьков.

Санаторий

Старуха долго допивает чай,
оттягивая выбор после чая:
броди весь день, на лавочке скучай
или читай, над книгой засыпая.

Старик покорно ждёт, и трёт очки,
как ветеран – далёкую награду...
По вечерам – играют в дурачки,
а днём с туманной скукой нету сладу.

Ну, сколько можно обходить вдвоём
пригорок жалкий с рощицей сосновой;
и всё глядеть на тёмный водоём,
всё ждать и ждать кормления в столовой.

Кругом октябрь... Дорога в пустоту.
И скука по обочинам глухая.
Вот почему остывший чай во рту
она так долго держит, не глотая.

* * *

Словно небо вопрошая в муке,
в хрипе со слюною пополам,
разбросав беспомощные руки,
умирал Шаламов Варлаам.

Не на радость скорчился в кювете
вохровскому меткому стрелку,
не от дистрофии в лазарете,
не с блатной заточкою в боку.

А в спокойной, будничной палате
с вязаную шапочкой на лбу
на тоской искомканной кровати
завершал колючую судьбу.

Что тебе теперь стихи и проза,
радость пайки, отупевший страх?
Проступают борозды мороза
на тепло теряющих щеках.

Ну, а Ты, носившийся над бездной,
нас уже оставивший почти,
наклонись над койкою железной
и неверье страннику прости.

* * *

Этот крест не отдам никому.
Это бремя завещано мне,
как упрямая песня в дыму,
как пылающий голос в огне.

И, когда догорит на земле
тяжело развалившийся сруб,
я – как шорох в остывшей золе,
немота у запёкшихся губ.

Потому мне и ноша легка,
что со мной дирижёр говорит,
и над жизнью взлетает рука:
то взлетает рука, то парит.

Замерзающий бомж

Где кружился?
Куда я бежал?
Вот я сложился,
как в маме лежал.

В чёрную стужу
Богу шепчу:
«Больше наружу
я не хочу.

Мучить негоже
на рубеже.
Господи, Боже,
вот я уже».

